

УДК 7

МАТВЕЙ ПРЕСМАН – МУЗЫКАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ: ХАРАКТЕР И СУДЬБА

Коккезова Айшат Мамедьяевна, аккомпаниатор-концертмейстер, ведущий мастер сцены, Ростовский государственный музыкальный театр (г. Ростов-на-Дону, РФ). E-mail:87aishat@mail.ru

Основоположник профессионального музыкального образования в Ростове-на-Дону Матвей Леонтьевич Пресман был видным музыкально-общественным деятелем, пианистом, педагогом. В течение многих лет он являлся бессменным директором основанного им музыкального училища, которое быстро стало одним из лучших в стране, что признавали многие музыкальные авторитеты. Своей активной и многогранной деятельностью Матвей Пресман сыграл огромную роль в становлении и развитии музыкальной культуры Юга России в конце XIX – начале XX века. В статье раскрываются важные подробности биографии музыканта, его жизненные взгляды, профессиональные ориентиры и убеждения. Также уделяется особое внимание конфликту Пресмана с местной дирекцией ростовского отделения Русского музыкального общества, выявляются причины и новые детали этой страницы биографии музыканта. Ориентируясь в организаторской и административной работе на своего наставника и педагога в Московской консерватории Василия Ильича Сафонова, Пресман во многих вопросах был так же принципиален, как и его учитель. Этих двух музыкантов связывала не только многолетняя дружба. Автором обозначаются важнейшие параллели между их судьбами, профессиональной деятельностью и руководящими принципами.

Ключевые слова: М. Пресман, музыкальная культура, профессиональное музыкальное образование, Русское музыкальное общество, устав, А. Г. Рубинштейн, В. И. Сафонов.

MATVEY PRESMAN – MUSICAL AND PUBLIC FIGURE: PERSONA AND FATE

*Kokkezo*va Ayshat Mamedyaevna, Accompanist-concertmaster, Leading Master of Stage, Rostov State Musical Theatre (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail:87aishat@mail.ru

Matvey Presman is a great pianist, teacher, music and public figure. He played a crucial role in the development of professional musical education in Rostov-on-Don, in training of high-class professional musicians. Also he engaged in a wide propaganda of Russian and foreign music among Rostovites in the late XIX – early XX century. Matvey Presman was an interesting and extraordinary person. Having an absolute talent and a chance to become a successful performer, he chose the path of music and public figure. For many years, Presman was a permanent director of Musical College, which was founded by him and quickly became one of the best in the country that was recognized by many music authorities. However, because of the conflict with the local directorate of the Rostov Department of the Russian Society of Music he had to resign from his post of the director and to leave his native town.

At that time Russian Society of Music was the major educational organization, which played a very significant role in musical life of the country. Due to a very complex internal structure of the Society, a lot of conflicts occurred within the organization: between the musicians and the officials and the sponsors of the Society. Such conflict played a dramatic role in Matvey Presman's life. His struggle for an independent direction without an outside interference ended disappointingly. Guided by his tutor Vasilii Safonov in his leadership activities, Presman was as highly principled in many issues as his teacher. Important and interesting details of life of the musician, his outlook on life and professional orientations are widely depicted in the present work. The author of the article focuses on the role of Matvey Presman in the development of musical culture of Rostov-on-Don, contributed greatly not only to the culture of his native city but also to the whole South of Russia.

Keywords: M. Presman, music culture, professional music education, Russian Society of Music, Charter, A. Rubinshteyn, V. Safonov.

Судьба талантливого музыканта, музыкально-общественного деятеля редко складывается безмятежно. Яркий общественный темперамент, чрезвычайно развитое чувство личной ответственности за дело, которому они служат, бесконечный поток инициатив, неуёмная энергия и настойчивость в достижении поставленных целей, – всё это неизбежно оборачивается обострением отношений с «вышестоящими инстанциями», с менее активными коллегами, которые предпочли бы более спокойную жизнь. Но именно такие люди оставляют след в истории.

Для крупного музыканта Матвея Леонтьевича Пресмана судьба в высоком смысле этого слова обозначилась своей непререкаемостью тогда, когда, создав и взрастив своё любимое детище – Ростовское музыкальное училище, он вынужден был его оставить в силу неприемлемых для него обстоятельств.

Имя Пресмана ныне упоминается редко, и обычно лишь в связи с биографией Рахманино-

ва как его соученика по Московской консерватории. О нём так же известно, как об авторе «Уголка музыкальной Москвы восьмидесятых годов» [17] и воспоминаний о Скрябине [8]. На эти литературные тексты часто ссылаются не только при обращении к фигурам именитых сокурсников Матвея Леонтьевича, но также его учителей – Николая Сергеевича Зверева, Василия Ильича Сафонова. Имя Пресмана также может напомнить о себе тем, кто изучает время формирования профессионального музыкального образования в России до и после революционного разлома. Этим наиболее известные данные о музыканте исчерпываются.

А между тем Матвей Пресман был личностью интересной и неординарной. Судьба его была одновременно и счастливой, и драматичной. Деятельная и многогранная натура Матвея Леонтьевича раскрывалась буквально во всём. Благодаря таланту и неутомимой энергии, жизнь Пресмана разворачивалась ярко и динамично.

Будучи провинциальным мальчиком, в 12 лет он приехал в Москву из Владикавказа и попал в класс самого Зверева, который был широко известен в Москве как один из самых авторитетных и высокооплачиваемых преподавателей. Затем он учился у маститого педагога, пианиста, директора Московской консерватории Сафонова. Уже одно только это убедительно свидетельствует о его безусловной одарённости. Прямо со студенческой скамьи (после окончания консерватории с большой серебряной медалью) 21-летний Матвей Леонтьевич был приглашён известным композитором М. М. Ипполитовым-Ивановым, в те годы директором музыкального училища Императорского Русского музыкального общества в Тифлисе, занять в этом учебном заведении место старшего преподавателя.

В 1896 году Пресман принял самое активное участие в создании Ростовского отделения Императорского Русского музыкального общества, одновременно возглавив утверждённые ранее музыкальные классы Ростовского (самостоятельно) музыкального общества. Начатая Пресманом активная реорганизация музыкальных классов четыре года спустя завершилась юридическим утверждением нового, профессионального образовательного их статуса в качестве музыкального училища Ростовского отделения Императорского Русского музыкального общества. Училище это, директором которого Пресман являлся в течение многих лет, быстро стало одним из лучших в стране, что признавали многие музыкальные авторитеты.

Разносторонне одарённый, Пресман был превосходным педагогом, просветителем, редактором сочинений различных композиторов, музыкально-общественным деятелем. Имея несомненный пианистический дар и возможность стать крупным артистом, он «в самую светлую пору своей жизни и развития музыкальной деятельности вдруг отказался от своей артистической карьеры и свой талант принёс на алтарь высокого кумира – идеи общественного воспитания» [18]. Подтверждением значительности его фигуры является и то, что Матвей Пресман – один из немногих провинциальных музыкантов, чья успешная деятельность описывается в монументальной 10-томной «Истории русской музыки». Он удостоился характеристики «умелого организатора,

благодаря энергии которого на Юге России было открыто и процветало Ростовское музыкальное училище» [6, с. 659].

Пресман сыграл исключительную роль в становлении профессионального музыкального образования в Ростове-на-Дону, воспитании высокопрофессиональных музыкантов, широкой пропаганде русской и зарубежной музыки среди ростовчан в конце XIX – начале XX века. Можно сказать, что вся его деятельность была претворением в жизнь основной цели успешно функционировавшего в то время Русского музыкального общества (далее – РМО), а именно «содействовать распространению музыкального образования в России, способствовать развитию всех отраслей музыкального искусства и поощрять способных русских художников (сочинителей и исполнителей)» [27, с. 1]. Исключительная роль РМО в этом общеизвестна. За сравнительно небольшой в историческом плане срок (с 1859 года до начала XX века) было сделано очень многое. Открыто множество отделений РМО в разных городах России, основаны музыкально-образовательные учреждения: курсы, школы, училища, консерватории.

Наряду с образовательными задачами, не менее важными для РМО были задачи просветительские, которые хорошо выражены в словах одного из его организаторов В. В. Стасова: «Сделать хорошую музыку доступной большим массам публики». Просветительство как цель не прописано в уставе РМО, но отражается в таких его пунктах, как «открытие публичных чтений, касающихся музыкального искусства», создание «специально-музыкальных» журналов, библиотек [27, с. 2]. РМО своими образовательными и просветительскими стремлениями сыграло прогрессивную роль в развитии русской профессиональной музыкальной культуры, в распространении и пропаганде музыкальных произведений, положило начало систематической концертной деятельности, сформировало условия для воспитания публики, способной понимать и уметь ценить высокое искусство.

Однако структура и внутреннее устройство РМО были весьма сложными. Так сложилось, что РМО собрало в своей дирекции представителей таких кругов, как августейшие особы – «покровители», различные купцы и промышленники,

чиновники и собственно музыканты. Последние удостоивались звания почётных членов, которыми становились «лица, отличающиеся особенными музыкальными достоинствами и пользующиеся почётною известностью (сочинители, исполнители, писатели и преподаватели)» [27, с. 5]. Роль их объяснять не приходится: они нужны были РМО для решения профессиональных музыкальных вопросов, организации концертов, участия в них, для обмена опытом, идеями, проектами.

Также почётными членами могли стать «лица, особенно содействующие успехам музыкального искусства в России и материальному упрочению РМО» [27, с. 5]. Но при этом почётные члены никаких взносов РМО не платили. Помимо них РМО состояло из членов-соревнователей, действительных членов и членов-посетителей. Принадлежность к тому или иному виду членства зависела от суммы ежегодного взноса или единовременной платы и в возможности тех или иных членов принимать участие в различных собраниях РМО, в праве голоса в выборе членов дирекции [27, с. 7]. Интересен тот факт, что по уставу РМО как от его членов, так и от членов дирекций никакого образовательного ценза не требовалось – требовался только определённый денежный взнос. Поэтому членами становились обычно различные купцы и промышленники. Возможно, упущение графы про музыкальное образование лишний раз указывает на то, что на этих лиц прежде всего смотрели как на меценатов, могущих оказать материальную поддержку РМО.

Что же касается августейших особ, то они, как правило, входили в Главную дирекцию РМО, которой принадлежало «высшее наблюдение над действиями всех отделений» [27, с. 8]. Дело в том, что РМО всегда поддерживали представители царского рода как лица, заинтересованные в развитии русской культуры. С момента основания и в течение многих лет важное содействие и материальную помощь РМО оказывала Великая Княгиня Елена Павловна, которая впоследствии стала первым председателем РМО. От неё и пошла «традиция», хотя это и не было утверждено законодательно, что пост президента (председателя) РМО стали занимать представители «императорской фамилии». Естественно, что в решении вопросов РМО последнее и решающее слово оставалось за ними.

Таким образом, сложившаяся в руководстве РМО «внутренняя разносторонность» обуславливала сложную систему взаимоотношений его членов, принадлежавших к разным кругам и имевшим соответственно разные интересы, взгляды и убеждения. Нередко это приводило к возникновению конфликтных ситуаций и разногласий, упоминание о которых, хоть и разрозненно, но встречается в тех или иных источниках. Последствия такой «разнородности» как отдельная проблема не изучалась специально. Возможно потому, что объективная, всесторонне взвешенная и беспристрастная история РМО так и не написана, несмотря на множество работ, посвященных ему. Причиной тому может являться следующая закономерность: почти все они писались к определенным юбилейным датам РМО. Отдельно можно выделить две волны – издания, посвященные 50-летию юбилею РМО (труды А. Пузыревского, Н. Финдейзена, Н. Кашкина) и его 150-летию. Отсюда и «праздничная интонация» этих текстов.

Однако внимательное знакомство даже с теми немногими случаями присутствия разногласий среди руководства РМО говорит о следующем: таким же объективным фактом, каким значится огромная роль РМО в развитии русской профессиональной музыкальной культуры, является и наличие в этой среде множества серьёзных размолвок и столкновений, нередко приводивших к неожиданным финалам.

Крупные музыканты, сотрудничавшие с РМО в разные периоды его деятельности, нередко были зависимы от личных симпатий и антипатий знатных особ, входивших в его дирекции, страдали от вмешательства чиновников и меценатов в их музыкальные дела. Вспомним, например, что с момента основания РМО к деятельности в нём был привлечён А. С. Даргомыжский как наиболее авторитетный после смерти Глинки русский композитор. В последние годы своей жизни он был даже избран председателем Петербургского отделения. Однако на протяжении всего сотрудничества его взаимоотношения с РМО не были безоблачными, нередко его взгляды по тем или иным вопросам расходились со взглядами других деятелей РМО, и Даргомыжский неоднократно намеревался отойти от участия в нём.

Гораздо более острая ситуация сложилась у А. Г. Рубинштейна, главного организатора и вдохновителя РМО, который сумел заставить

покровительницу РМО Елену Павловну в течение ряда лет в известной мере считаться со своим авторитетом великого артиста. Он думал, «что разум, воля и всемирно признанный авторитет художника – силы непреодолимые, что “сильные мира сего” вынуждены будут считаться с той твёрдой позицией, которую он займёт как музыкальный руководитель РМО и директор консерватории» [1, с. 341]. Причиной его ухода послужил конфликт с Советом профессоров консерватории. Он не потерпел их вмешательства, а также придворных кругов и чиновников в его сугубо профессиональные дела и в итоге покинул консерваторию и РМО, полностью отстранив себя от участия в их деятельности.

Так называемому «августейшему гонению» (выражение П. И. Чайковского) подвергся также и М. А. Балакирев, руководивший концертами Петербургского отделения РМО в сезоне 1868/69 года: в результате интриг он был вынужден покинуть этот пост [29, с. 29].

В связи с этими событиями прослеживается определённая модель взаимоотношений внутри дирекции РМО, а именно её членов-чиновников и меценатов с музыкантами-деятелями: первые пытались всё более расширять радиус своих полномочий, с каждым разом всё больше и больше ограничивая в действиях последних.

Такая ситуация складывалась не только «наверху», в Москве и Петербурге, но и в провинциальных городах, в которых такое положение усугублялось ещё и вмешательством в музыкальные дела местных властей.

Так, например, в Тамбове у директора местного музыкального училища С. М. Старикова произошёл конфликт с губернатором Муратовым. Муратов написал жалобу в Главную дирекцию РМО, требуя сместить Старикова как неспособного возглавлять училище. Однако в борьбе чиновника Муратова с музыкантом Стариковым последнего поддержал С. В. Рахманинов, который занимая на тот момент высший в России музыкально-административный пост помощника по музыкальной части председателя Главной дирекции РМО, был командирован в Тамбов с ревизией. Он заключил, что «училище стоит правильно», и на этом история эта была завершена (письмо от 7 мая 1909 года Е. Г. Саксен-Альтенбургской) [23, с. 477].

Принимал участие Сергей Васильевич и в разрешении конфликта Матвея Пресмана. У «главного вдохновителя и руководителя всей деятельности РМО и Училища» [23, с. 384]. Пресмана и местной дирекции Ростовского отделения РМО вышел серьёзный разлад, в результате которого последняя не только не удержала директора училища от ухода, но и спровоцировала принятие им такого решения. Вмешательство Рахманинова не оказало должного результата. Если в деле Старикова ему удалось добиться положительного исхода, то в случае с Матвеем Леонтьевичем обстоятельства сложились не в их пользу. Пресман вынужден был уйти, а Рахманинову ради защиты своей чести и достоинства пошёл на разрыв с Главной дирекцией РМО, поступившись высокой должностью, и подал в отставку. Ситуация эта приобретала более острую форму ещё и из-за дружеских отношений двух музыкантов.

Как пример «официальной версии» этой истории можно привести комментарии З. А. Апетян к письмам Рахманинова, что конфликт возник из-за инспектора и педагога Нахичеванского отделения музыкального училища этого общества – М. Д. Шоломовича, самоустранившегося от выполнения своих служебных обязанностей. Требование Пресмана – наложить взыскание на Шоломовича – не получило поддержки со стороны местной дирекции общества. Добиваясь своего, Пресман обратился с жалобой в местную дирекцию в Главную дирекцию РМО, чем вызвал возмущение первой [23, с. 386]. Однако это описание событий не содержит таких деталей, как предыстория конфликта, его мотивы...

История эта всё более проясняется благодаря как газетным публикациям, так и письмам Пресмана и других музыкантов. Некоторые из них опубликованы, но большая часть хранится в архивах. В отличие от тамбовского директора Матвей Леонтьевич подвергся нападкам не со стороны городской власти, а со стороны «товарищей по цеху» – педагога соседнего училища и дирекции местного отделения РМО. Конфликт этот не случился в один день, а назревал намного раньше. Уже в год преобразования классов в училище в газетах появляются «обличительные» статьи, в которых Пресмана обвиняют в авторитарности, стремлении единолично управлять делами Отделения, чрезмерной самостоятельности в при-

нятии решений. Местный журналист пишет, что он «вполне согласен с теми, кто в действиях г. Пресмана признаёт прямое нарушение общественного права, носителем которого в жизни местного отделения РМО должна являться дирекция, а не г. Пресман» [19].

В середине десятилетия в переписке Матвея Леонтьевича с близкими ему людьми тоже зафиксированы сигналы неблагополучия в его отношениях как директора училища с местным руководством. Письма самого Пресмана, к сожалению, не сохранились, но о напряжённости обстановки становится ясно из ответных ему посланий. Из письма Рахманинова от 26 июня 1905 года проясняется, что Пресман делился с другом мыслью «уходить из Ростова», причиной чего возможно являлось множество «неприятностей и подкопов» [22, с. 358]. В письме этого же периода Сафонов отговаривает своего ученика «бросать своё самостоятельное дело», вероятно в ответ на высказанное Матвеем Леонтьевичем желание оставить училище [25, с. 117].

Эти размолвки возникали не случайно и, по-видимому, провоцировались все той же разнородной структурой состава дирекций местных отделений. Обращаясь к тому же уставу, можно обнаружить следующий пункт: «Дирекции местных отделений общества состоят из директоров, избираемых на три года, в числе не менее трёх и не более пяти» [27, с. 13]. Директоры консерваторий и музыкальных училищ отделения входили в число этих директоров по должности. То есть Пресман был директором отделения по своему занимаемому положению руководителя музыкального училища, но он был *одним из* директоров. Кого выбирали в остальные не известно. О выборах других членов дирекции сам Матвей Леонтьевич писал, что если в их число попадали меценаты, могущие оказать денежную поддержку местным Отделениям, то это было «счастливым исключением». А на деле, «гг. члены дирекций, вполне удовлетворяясь почётным званием директора Отделения», не только не оказывали никакой материальной поддержки, но «зачастую и к делу совершенно индифферентно относились» [9, с. 84].

В письме к своему другу А. Н. Скрябину Пресман писал, что дирекция, «состоящая из “лучших” людей города», не оказывает ему должной поддержки: «Ты пойми: я горжусь, что

в своей жизни всегда шел только прямым путем, никогда не забывал своего слова, а жить и работать должен с такими людьми, которые даже не могут своего слова запомнить! Легко это? Тяжело, милый» [11]. Вероятно, поэтому Матвей Леонтьевич предпочитал решать вопросы по мере своих возможностей, что в глазах дирекции понималось как нежелание считаться с ними.

В довершение ко всему, членам местного отделения РМО, возможно, не нравилась чрезмерная деятельность и энергичность Пресмана, который всё время был полон творческих идей и замыслов, организовывал почти всю концертную жизнь города, готовил документы для построения нового здания училища. Безусловно, такое сосредоточение музыкальных событий вокруг имени Пресмана многих не устраивало, и дирекцию в том числе, которая в свою очередь хотела большего контроля ситуации, не утруждаясь при этом проблемами Отделения. А Матвей Леонтьевич, как всякий общественный деятель, задача которого – повести за собой, не мог быть человеком бесхарактерным. И как настоящий руководитель, уверенный в своих действиях, вероятно, не терпел указаний со стороны. Конфликт сыграл на руку дирекции местного отделения РМО, которая воспользовалась случаем и избавилась от неподходящего им директора училища.

Немаловажным фактом является то, что в случившейся неприятной истории Пресмана поддержали такие крупные музыканты, как тот же С. В. Рахманинов, А. И. Зилоти, А. Н. Скрябин. В разгар конфликта Зилоти пишет Пресману, что «совсем недопустимо, чтобы ты проиграл дело. Серёжа тоже так думает, ибо просил меня подождать писать статью, пока он не увидится с принцессой» [4].

Ещё одной причиной «неудобности» Пресмана, возможно, являлся национальный фактор, о чём свидетельствуют воспоминания А. В. Оссовского и С. А. Сатиной. Они упоминают про «антисемитски настроенную дирекцию», про смещение Матвея Леонтьевича с должности «из-за того, что он был евреем» [7, с. 96; 21, с. 242]. История, безусловно, резонирует с инцидентом в Тамбове, где причиной конфликта вокруг Старикова в источниках указываются антисемитские взгляды губернатора [28, с. 294]. Рассказывая о сложившейся там ситуации, Рахманинов писал Е. Г. Саксен-Альтенбургской: «Давая этот отчёт

о состоянии Тамбовского музыкального училища, я буду всё время помнить два вопроса, из-за которых я главным образом попал на ревизию вышеназванного Училища: это вопросы: а) музыкальный и б) еврейский» [23, с. 477]. Однако если в случае со Стариковым это было основным мотивом, то в пресмановском конфликте это, скорее всего, послужило дополнительным и усугубляющим обстоятельством.

Столкновения с дирекциями отделений наверняка не исчерпываются этими двумя происшествиями. Неспроста Зилоти писал Пресману: «Ты должен, хотя мне тебя жалко, пересидеть товарищей, а если не дотянешь и подашь в отставку, то лишишь нас возможности поднять шум, а твоё дело очень важно для всех директоров отделений» [4]. Из этой телеграммы становится ясно, что история Матвея Леонтьевича не была единичной. Возможно, об этом умалчивалось, либо же мало кто решался противостоять дирекции и «лучшим людям» РМО. Но не Пресман. И доказательством его сильной натуры является письмо, в котором он пишет Скрябину, что «дирекция теперь сама ищет примирения, и если они пойдут на все мои требования, то помиримся и в Петербург не попадём, но я сомневаюсь, чтобы они исполнили все мои требования, ибо они жестоки, то есть мои требования» [12].

Подобно А. Г. Рубинштейну, который после отклонения своих «11 условий», представленных Главной дирекции (при соблюдении которых он был готов продолжать свою деятельность), принял бесповоротное решение покинуть консерваторию, так и Пресман не пожелал остаться в училище. «Кончилось финалом маловероятным с точки зрения обычной человеческой логики, но, как две капли воды похожим на финалы большинства конфликтов людей живых с чиновниками-формалистами. Пресман уволен. Рахманинов вышел из главной дирекции», – так писал Каратыгин в газете «Речь» [24].

Безусловно, Матвей Леонтьевич тяжело переживал случившееся. Несмотря на желание отстаивать правду, бороться до конца, Пресман, вероятно в минуты слабости, писал своему другу Скрябину: «...Не вижу проблеска – всё один грязный туман, сквозь который я вижу мерзопакостные лица гг. Директоров, явных врагов дела, того самого дела, которому я столько сил и здоровья отдал и которое они, на моих глазах, сознательно

разоряют» [14]. Он был настолько утомлён «всеми этим возмутительным делом», что даже говорил о безразличности для него финала, «лишь бы только скорее конец» [13].

Этот конфликт, приведший к тому, что Пресман оставил своё любимое дело, возможно дело всей его жизни, можно назвать драматической страницей его биографии, оставившей в ней глубокий след...

Об этом случае он будет вспоминать позже в своей публикации «О необходимых реформах в Уставе Императорского Русского Музыкального Общества» [9], в «Уголке музыкальной Москвы 80-х годов» (1938). С момента создания статьи до появления «Уголка» прошло более четверти века, но Пресмана всё ещё волновала эта тема; по сути, она тревожила его до конца дней. Подобных работ у Матвея Леонтьевича немного, но они очень важны и показательны: обогащают картину воссоздания его личности, являются ценным материалом, отражающим взгляды и представления самого Пресмана.

Несомненно, одно из переломных и болезненных событий в его жизни не могло не оставить после себя множество неразрешённых вопросов, которые впоследствии нашли отражение в публицистических выступлениях. Память снова и снова возвращала его к тем тяжёлым дням, которые он пережил в Ростове. И как передовой и мыслящий музыкант с богатым опытом, проработавший к тому времени более двадцати пяти лет в учебных заведениях и административных структурах РМО, Матвей Леонтьевич понимал, что его личная драма намного шире по своей сути, и она не является проблемой одного человека, а вытекает из недостатков музыкально-образовательной системы в целом. Поэтому Пресман в своих публикациях выступает с такими наболевшими для него темами, как вопросы организации в учебных заведениях, проблемы музыкального образования, музыкальных организаций, их устройства и принципов руководства. Он анализирует эти проблемы, ищет пути их решения.

Матвей Леонтьевич также рассуждает о личности руководителя, а если точнее, его волнует феномен сильного и независимого руководителя. И как пример такого человека он выделяет своего учителя в консерватории В. И. Сафонова. Фигура эта столь значительна, что на ней следует остановиться подробнее.

Выдающийся педагог, незаурядный администратор, активный деятель РМО, Сафонов, безусловно, был музыкантом очень крупного масштаба. О его таланте управленца, железной воле, неукротимой целеустремлённости, могучем общественном темпераменте пишут все современники и исследователи. Обладая безусловными организаторскими способностями, Василий Ильич на протяжении многих лет был бессменным директором Московской консерватории и Московского отделения РМО. Руководил твёрдо, порой жестко, его часто обвиняли в чрезмерной резкости и властности, деспотичности, приписывали ему «комплекс самодержца» [2, с. 192; 5, с. 11].

Пресмана связывала со своим учителем многолетняя дружба, свидетельством чему являются многочисленные письма и фотопортреты с памятными надписями. Сафонов же и после окончания Матвеем Леонтьевичем в 1891 году консерватории продолжал заботиться о своём ученике: в одном из первых ростовских писем Пресман благодарит своего учителя за добрые пожелания и за участие, которое он принимает в деле Ростовского Музыкального общества, рекомендуя преподавателей. Зная об авторитете своего наставника, Матвей Леонтьевич также выражает в этом письме надежду, что Василий Ильич поддержит его в намерении преобразовать Ростовское музыкальное общество в отделение РМО: «Я надеюсь, что, когда мы начнём хлопотать об этом, вы окажете нам помощь, которая нам будет так необходима, для утверждения здесь отделения» [10].

Изучая адресатов писем Сафонова, можно заметить, что из всех своих учеников Василий Ильич большей частью состоял в переписке с Пресманом. Из писем видна трансформация их отношений в более дружественные, взаимное уважение учителя и ученика как бы перерастало в более глубокое чувство «понимания» друг друга.

Об этом же пишет и исследователь творчества Сафонова, музыкальный документалист Л. Л. Турмаринсон. Он также справедливо указывает на то, что о творческих контактах Василия Ильича с его бывшим учеником известно мало. Публикатор упоминает один эпизод «их творческого содружества: летом 1916 года, когда Сафонов готовил к изданию свою книгу “Новая формула”, Пресман помогал ему с корректурой, а осенью того же года поместил в “Русской музыкальной газете” подробный разбор этой книги» [26, с. 46].

Этот факт, несмотря на свою единичность, является весьма показательным. Ведь Сафонов в помощь к себе в работе над книгой, являвшейся собранием его педагогических мыслей и как бы подытоживанием педагогической деятельности, из многих своих учеников выбрал именно Пресмана, к тому же проживавшего на тот момент в другом городе. Это говорит о доверии учителя к своему ученику, высокой оценке его профессиональных качеств и возможностей. По-видимому, это решение Василия Ильича было хорошо обдуманым, о котором он говорил своим близким. В письме от 9 августа 1916 года сын Сафонова Иван пишет Юргенсону: «По возвращении в Кисловодск отец продержит окончательную корректуру. А если болезнь ему этого не позволит, ее сделает М. Л. Пресман своим опытным надежным глазом» [25, с. 502].

Выступая рецензентом «Новой формулы» в «Русской музыкальной газете» Матвей Леонтьевич приветствует идеи Сафонова, поддерживает их, даёт подробный разбор книги, в первую очередь, с пианистической точки зрения. Пресман отмечает «громадную эрудицию, опыт и знание автора», «глубокий смысл» примеров и упражнений, которые «являются одновременно упражнением не только для пальцев, но и мозга» [16, с. 41]. Неизвестно, было ли это просьбой Василия Ильича своему ученику написать статью в газете, зная о его публицистических способностях, или же желание самого Матвея Леонтьевича, у которого работа учителя вызвала большой отклик и писательский порыв.

Авторитет Василия Ильича в глазах Пресмана был велик, он испытывал к нему безграничную любовь и уважение: «Думая эти дни о Вас, о Вашей деятельности, я проникаюсь особенным к Вам уважением и преклоняюсь перед Вашим величием, что меня, как Вашего ученика, страшно радует, и я начинаю гордиться, что у меня такой учитель. Я хотел бы Вам сказать, как должно быть приятно работать с таким человеком, как Вы, и как бы я хотел показать это Вам на деле, а потому – если Вам когда-либо нужен будет честный, бесконечно Вас преданный черноработчий – вспомните обо мне: за Вами я бы всюду пошел, ничего не страшась» – 16/29 июля 1906 года [25, с. 118].

Такую безграничную преданность Матвея Леонтьевича своему учителю, наверное, можно

объяснить таким феноменом, как «родство душ». Интересно, что и в судьбах этих двух людей много совпадений. Оба музыканта очень стремительно пришли в музыку, несмотря на определённые препятствия в их жизни. И Сафонов, и Пресман, благодаря их энергичности и стремлениям еще в молодом возрасте стали признанными музыкантами, ценными руководителями и организаторами.

Очень верна мысль о том, что личность того или иного учителя наиболее точно характеризуют воспоминания их учеников, которые «находясь в положении вынужденной подчинённости своим учителям, гораздо острее видели в них всё положительное и отрицательное» [3, с. 52]. Эту мысль можно дополнить ещё и другой: в этих же воспоминаниях можно «увидеть» и самих учеников...

Пресман «видел» в Сафонове следующее. Помимо признания его несомненного педагогического таланта, Матвей Леонтьевич выделяет в нём такие качества, как «необыкновенная энергичность, громадное административное дарование, сильный характер, независимость» [15, с. 657]. Рисуя образ Сафонова-руководителя, он прежде всего подчёркивает в нём те черты характера, которые импонировали и даже были присущи ему самому. На воспоминания Пресмана о Сафонове-директоре как на основополагающий источник опирается в своей монографии Я. И. Равичер. Интересно, что в этой книге, делящейся на главы: «Сафонов-пианист, Сафонов-педагог, Сафонов-дирижер», отсутствует глава про его директорство. Этот вид деятельности Василия Ильича автор как бы обходит молчанием.

А между тем именно со вступлением в должность директора В. И. Сафонова в жизни Московской консерватории чрезвычайно ярко разграничилось два периода: «рубинштейновский и сафоновский» [15, 654]. «Рубинштейновским» Пресман называет время до директорства Сафонова. Очевидно, что Матвею Леонтьевичу сафоновский стиль управления был ближе, несмотря на то, что многие часто ставили в вину последнему такие качества, как бескомпромиссность, суровая требовательность [5, с. 11]. Матвей Леонтьевич же в своих высказываниях, наоборот, поддерживает эти черты характера Сафонова, говоря, «что такие строгие меры вызывались не жестокостью, а искренним желанием ввести в дело только строгий, разумный порядок» [15, с. 659].

Проведя аналогии между характеристикой Пресманом Сафонова-руководителя и непосредственно между его собственной руководительской деятельностью, можно заметить, что Пресман в своей организаторской и административной работе ориентировался на те же самые принципы, что и его учитель. Подобно своему наставнику, Матвей Леонтьевич стремился «серьёзно поставить дело» в своём училище, что ему вполне успешно и удавалось. Как и Сафонов, который много и упорно работал над совершенствованием симфонического оркестра и хора, составленного из учеников консерватории, и добился в этом исключительно высоких результатов, Пресман также уделял большое внимание оркестровому и хоровому классам, вводя их в программу музыкального училища как постоянные предметы. Существование этих классов было важно не только для учебного процесса, но и в первую очередь для концертной жизни как внутри заведения, так и в городе, что являлось ещё одним шагом на пути к просветительству.

Почти все исследователи творчества Сафонова отмечают, что его многогранная деятельность способствовала бурному росту музыкальной жизни Москвы [20, с. 28, 5, с. 11]. Пресман тоже с момента приезда в Ростов много работает, выступает с концертами, фактически организует всю концертную деятельность города. Подобно Василию Ильичу, ему приходилось заниматься всем. Как известно, благодаря Сафонову было построено новое здание Московской консерватории. Он сумел добыть деньги на постройку и оборудование, о его энергии и упорстве, проявленных в этом деле, есть множество воспоминаний современников. Матвей Ильич тоже ставил перед собой большие задачи: при нём был построен новый концертный зал, велась подготовка к постройке нового здания училища.

Подобно тому как у Сафонова были все необходимые качества, чтобы возглавить столь важный для московской культуры музыкальный центр – консерваторию, так и Пресман обладал несомненными способностями, чтобы достойно руководить Ростовским музыкальным училищем. Пресмана можно смело назвать «ростовским Сафоновым», который внёс огромный вклад в развитие музыкальной культуры Юга России.

Возможно, что подражание своему учителю Сафонову было у Пресмана на подсознательно-

интуитивном уровне, так называемое «бессознательное подражание». И Василию Ильичу, и Матвею Леонтьевичу часто ставили в упрек их крутой нрав, «осложнявший взаимоотношения со многими людьми», обоих в свое время обвиняли в диктаторских наклонностях, стремлении к единоначалию [5, с. 8, 12]. Сафонова называли «неограниченным властителем Московской консерватории» [20, с. 41].

Но разве возможна организация процесса учебного заведения, да и вообще любого дела без таких качеств руководителя, как требовательность, железная воля? П. И. Чайковский писал в письме к Н. Ф. фон Мекк: «Сафонов – человек с огромной амбицией и по натуре деспот. Может быть, это и хорошо для дела» [30]. И был прав. Вспомним, что Сафонов принял руководство Московской консерваторией в кризисные для нее годы, Пресман приехал в Ростов и возглавил музыкальное общество, которое до него существовало кое-как около 20 лет, не показывая никаких действенных результатов; организовал музыкальные классы, которые за короткое время были преобразованы в музыкальное училище. И в том,

и в другом случае именно личность руководителя сыграла решающую роль в развитии этих учебных заведений. Однако и для Сафонова, и для Пресмана была важна их независимость как руководителей и возможность заниматься своим делом без вмешательства со стороны. Но в итоге им обоим пришлось пережить тяжёлую разлуку со своим любимым детищем и уйти с чувством тяжелой обиды.

Сафонов и Пресман были, что называется, служителями музыкального искусства. Но от них, видимо, хотели другого, а именно беспрекословного служения и подчинения. И так, наверное, было всегда. Взаимодействие учреждений и деятелей культуры с властями является, вероятно, «вечной» проблемой. Идеальная модель их взаимоотношений известна: власть создаёт все условия для развития искусства, оказывает материальную поддержку, заботясь о просвещении граждан, но не вмешивается в осуществление соответствующими учреждениями своих функций. Доверяет профессионалам. Но, видимо, идеал на то и идеал, чтобы оставаться недостижимой целью...

Литература

1. Баренбойм Л. А. А. Г. Рубинштейн. – Ленинград: Музгиз, 1957. – 455 с.
2. Барутчева Э. С. В поисках подлинного Сафонова // Грань веков. Рахманинов и его современники: сб. ст. – СПб.: СПбГК, 2003. – С. 187–199.
3. Бобылев Л. Б. С. И. Танеев и В. И. Сафонов: история одного конфликта // В. И. Сафонов. 1852–1918. К 150-летию со дня рождения: мат-лы науч. конф. – М.: МГК, 2003. – С. 51–53.
4. Зилоти А. И. Телеграммы Пресману М. Л. Телеграмма от 3 дек. 1911 // Всерос. музейное об-ние музык. культуры им. М. И. Глинки. – Ф. 11, № 15.
5. Масловский А. Г. В. И. Сафонов. Творческий путь выдающегося русского музыканта // В. И. Сафонов. 1852–1918. К 150-летию со дня рождения: мат-лы науч. конф. – М.: МГК, 2003. – С. 7–13.
6. Миронова Н. А. Музыкальное образование в провинции // История рус. музыки: в 10 т. / под ред. Л. З. Корабельниковой и Е. М. Левашева. – М.: Музыка, 2005. – Т. 10 Б: 1890–1917. – С. 631–703.
7. Оссовский А. В. Воспоминания. Исслед. – Л.: Музыка, 1968. – 440 с.
8. Пресман М. Л. Воспоминания о Скрябине // А. Н. Скрябин: сб. к 25-летию со дня смерти – М.: Музгиз, 1940. – С. 32–40.
9. Пресман М. Л. О необходимых реформах в Уставе императорского Русского Музыкального Общества // Рус. музык. газ. – 1916. – № 4 – С. 81–88.
10. Пресман М. Л. Письмо Сафонову В. И. от 18 сент. 1896 // Всерос. музейное об-ние музык. культуры им. М. И. Глинки. – Ф. 1, № 58.
11. Пресман М. Л. Письма и открытки Скрябину А. Н. Письмо от 24 мая 1911 // Всерос. музейное об-ние музык. культуры им. М. И. Глинки. – Ф. 31, № 733.
12. Пресман М. Л. Письма и открытки Скрябину А. Н. Письмо от 23 нояб. 1911 // Всерос. музейное об-ние музык. культуры им. М. И. Глинки. – Ф. 31, № 737.
13. Пресман М. Л. Письма и открытки Скрябину А. Н. Письмо от 17 февр. 1912 // Всерос. музейное об-ние музык. культуры им. М. И. Глинки. – Ф. 31 № 738.
14. Пресман М. Л. Письма и открытки Скрябину А. Н. Письмо от 2 сент. 1911 // Всерос. музейное об-ние музык. культуры им. М. И. Глинки. – Ф. 31, № 734.

15. Пресман М. Л. Рубинштейновский и Сафоновский периоды в Московской консерватории // Рус. музык. газ. – 1916. – № 36–37. – С. 654–660.
16. Пресман М. Л. В. Сафонов // Рус. музык. газ. – 1916. – Библиограф. листок № 6. – Стб. 41–43.
17. Пресман М. Л. Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов (Памяти профессора Московской консерватории Н. С. Зверева) // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. – 4-е изд., доп. – М.: Музыка, 1974. – Т. 1. – С. 148–207.
18. Приазовский край. – 1916. – № 270.
19. Приазовский край. – 1900. – № 263.
20. Равичер Я. И. В. И. Сафонов. – М.: Гос. муз. изд-во, 1959. – 366 с.
21. Рахманинов С. В. Воспоминания, записанные О. Ф. Риземаном: пер. с англ. – М.: Радуга, 1992. – 256 с.
22. Рахманинов С. В. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма: в 3 т. / сост.-ред. З. А. Апетян. – М.: Совет. композитор, 1978. – Т. 1. – 648 с.
23. Рахманинов С. В. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма: в 3 т. / сост.-ред. З. А. Апетян. – М.: Совет. композитор, 1980. – Т. 2. – 583 с.
24. Речь. – 1912. – № 148.
25. Странствующий маэстро: переписка В. И. Сафонова 1905–1917 годов / сост., подгот. текста и коммент. Л. Л. Тумаринсона. – М.: Белый берег, 2012. – 788 с.
26. Тумаринсон Л. Л. «За вами я бы всюду пошел, ничего не страшась» (из переписки В. И. Сафонова с М. Л. Пресманом) // Фортепиано. – 2011. – № 3–4. – С. 46–58.
27. Устав Императорского Русского Музыкального Общества. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1873. – 17 с.
28. Царева И. К 130-летию основания Тамбовского отделения Императорского русского музыкального общества // Рус. музык. о-во. 1859–1917. История отд-ний, авт. идеи и ред.-сост. О. Р. Глушкова. – М.: Яз. слав. культуры, 2012. – С. 275–298.
29. Чайковский П. И. Полн. собр. соч. / ред. В. Яковлева. – М.: Госмузиздат, 1953. – Т. 2. – 437 с.
30. Чайковский П. И. Жизнь и творчество русского композитора [Электронный ресурс]. – URL: // <http://www.tchaikov.ru/1890-489.html>

References

1. Barenboim L.A. A.G. Rubinshtein [A.G. Rubinshteyn]. Leningrad, Muzgiz Publ., 1957. 455 p. (In Russ.).
2. Barutcheva E.S. V poiskakh podlinnogo Safonova [In search of genuine Safonov]. *Gran' vekov. Rakhmaninov i ego sovremenniki. Sbornik statei [The Verge of Centuries. Rachmaninoff and his contemporaries. Collection of article]*. St. Petersburg, SPBGK Publ., 2003, pp. 187–199 (In Russ.).
3. Bobylev L.B. S.I. Taneev i V.I. Safonov: istoriia odnogo konflikta [Taneyev and Safonov: The Story of a conflict]. *V.I. Safonov. 1852–1918. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia. Materialy nauchnoi konferentsii [V.I. Safonov. 1852–1918. Papers of scientific conference to the 150th anniversary of his birth]*. Moscow, MGK Publ., 2003, pp. 51–53. (In Russ.).
4. Ziloti A.I. Telegrammy Presmanu M.L. Telegramma ot 3dekabria 1911 [Telegrams to Presman M. Telegram from December 3, 1911]. *Vserossiiskoe muzeinoe ob'edinenie muzykal'noi kul'tury imeni M.I. Glinki [M.I. Glinka All-Russian Museum Association of musical culture]*, F. 11, no 15. (In Russ., unpublished).
5. Maslovskii A.G. V.I. Safonov. Tvorcheskii put' vydaishchegosia russkogo muzykanta [V.I. Safonov. Creative way of an outstanding Russian musician]. *V.I. Safonov. 1852–1918. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia. Materialy nauchnoi konferentsii [V.I. Safonov. 1852–1918. Papers of scientific conference to the 150th anniversary of his birth]*. Moscow, MGK Publ., 2003, pp. 7–13. (In Russ.).
6. Mironova N.A. Muzykal'noe obrazovanie v provintsii [Music education in the province]. *Istoriia russkoi muzyki. V 10 t. T. 10B: 1890–1917. Pod red. L.Z. Korabel'nikovoi i E.M. Levasheva [History of Russian music in 10 volumes]*. Moscow, Muzyka Publ., 2005, vol. 10, pp. 631–703. (In Russ.).
7. Ossovskii A.V. Vospominaniia. Issledovaniia [Memories and researches]. Leningrad, Muzyka Publ., 1968. 440 p. (In Russ.).
8. Presman M.L. Vospominaniia o Skriabine [Memoires about Scriabin]. *A.N. Skriabin. Sbornik k 25-letiiu so dnia smerti [A. Scriabin. Collection towards the 25th anniversary after his death]*. Moscow, Muzgiz Publ., 1940, pp. 32–40. (In Russ.).
9. Presman M.L. O neobkhodimyykh reformakh v Ustave imperatorskogo Russkogo Muzykal'nogo Obshchestva [The need for reforms in the Charter of the Russian Imperial Society of Music]. *Russkaia muzykal'naiia gazeta [Russian Musical Newspaper]*, 1916, no 4, pp. 81–88. (In Russ.).

10. Presman M.L. Pis'mo Safonovu V.I. ot 18 sentiabria 1896 [Presman M. Letter to Safonov from September 18, 1896]. *Vserossiiskoe muzeinoe ob'edinenie muzykal'noi kul'tury imeni M.I. Glinki [M.I. Glinka All-Russian Museum Association of musical culture]*, F. 1, no 58. (In Russ., unpublished).
11. Presman M.L. Pis'ma i otkrytki Skriabinu A.N. Pis'mo ot 24 maia 1911 [Letters and postcards to Scriabin. Letter from May 24, 1911]. *Vserossiiskoe muzeinoe ob'edinenie muzykal'noi kul'tury imeni M.I. Glinki [M.I. Glinka All-Russian Museum Association of musical culture]*, F. 31, no 733. (In Russ., unpublished).
12. Presman M.L. Pis'ma i otkrytki Skriabinu A.N. Pis'mo ot 23 noiabria 1911 [Letters and postcards to Scriabin. Letter from November 23, 1911]. *Vserossiiskoe muzeinoe ob'edinenie muzykal'noi kul'tury imeni M.I. Glinki [M.I. Glinka All-Russian Museum Association of musical culture]*, F. 31, no 737. (In Russ., unpublished).
13. Presman M.L. Pis'ma i otkrytki Skriabinu A.N. Pis'mo ot 17 fevralia 1912 [Letters and postcards to Scriabin. Letter from February 17, 1912]. *Vserossiiskoe muzeinoe ob'edinenie muzykal'noi kul'tury imeni M.I. Glinki [M.I. Glinka All-Russian Museum Association of musical culture]*, F. 31, no 738. (In Russ., unpublished).
14. Presman M.L. Pis'ma i otkrytki Skriabinu A.N. Pis'mo ot 2 sentiabria 1911 [Letters and postcards to Scriabin. Letter from September 2, 1911]. *Vserossiiskoe muzeinoe ob'edinenie muzykal'noi kul'tury imeni M.I. Glinki [M.I. Glinka All-Russian Museum Association of musical culture]*, F. 31, no 734. (In Russ., unpublished).
15. Presman M.L. Rubinshteinovskii Safonovskii periodi v Moskovskoi konservatorii [The periods of Rubinshteyn and Safonov at the Moscow Conservatory]. *Russkaia muzykal'naia gazeta [Russian Musical Newspaper]*, 1916, no 36–37, pp. 654–660. (In Russ.).
16. Presman M.L. V Safonov [V. Safonov]. *Russkaia muzykal'naia gazeta [Russian Musical Newspaper]*, 1916, Bibliograficheskii listok, no 6, pp. 41–43. (In Russ.).
17. Presman M.L. Ugolok muzykal'noi Moskvy vos'midesiatykh godov (Pamiati professora Moskovskoi konservatorii N.S. Zvereva) [The cosy nook of musical Moscow (In memory of Nikolai Zverev, Professor of Moscow conservatoire)]. *Vospominaniia o Rakhmaninove. V 2 tomakh, 4-e izd., dop. [Memoires about Rachmaninov: in 2 vol. The 4th supplemented edition]*. Moscow, Muzyka Publ., 1974, vol. 1, pp. 148–207. (In Russ.).
18. Priazovskii kraj [Priazov region], 1916, no 270. (In Russ.).
19. Priazovskii kraj [Priazov region], 1900, no 263. (In Russ.).
20. Ravicher Ia.I. V.I. Safonov [V.I. Safonov]. Moscow, Gos. Muz. Publ., 1959. 366 p. (In Russ.).
21. Rakhmaninov S.V. Vospominaniia, zapisannye O.F. Rizemanom: perevod s angliiskogo [Memories recorded by O.F. Rizeman]. Moscow, Raduga Publ., 1992. 256 p. (In Russ.).
22. Rakhmaninov S.V. Literaturnoe nasledie. Vospominaniia. Stat'i. Interv'iu. Pis'ma. V 3 tomakh. Sost.-red. Z.A. Ape-tian [Literary heritage. Memories. Article. Interview. In 3 Vol.]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1978, vol. 1. 648 p. (In Russ.).
23. Rakhmaninov S.V. Literaturnoe nasledie. Vospominaniia. Stat'i. Interv'iu. Pis'ma. V 3 tomakh. Sost.-red. Z.A. Ape-tian [Literary heritage. Memories. Article. Interview. In 3 Vol.]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1980, vol. 2. 583 p. (In Russ.).
24. Rech' [Rech'], 1912, no 148. (In Russ.).
25. Stranstvuiushchii maestro: perepiska V.I. Safonova 1905–1917 godov. [Wandering Maestro: correspondence by Safonov]. Sost., podgotovka teksta i kommentarii L.L. Tumarinsona. Moscow, Belyibereg Publ., 2012. 788 p. (In Russ.).
26. Tumarinson L.L. “Zavami ia vsiudu poshel, nichego ne strashas'” (iz perepiski V.I. Safonova s M.L. Presmanom) [“For you I would go everywhere, do not fear” (from the correspondence Safonov with Presman)]. *Fortepiano [Fortepiano]*, 2011, no 3–4, p. 46. (In Russ.).
27. Ustav Imperatorskogo Russkogo Muzykal'nogo Obshchestva [The charter of the Imperial Russian Society of Music]. St. Petersburg, Tipografiia R. Golike Publ., 1873, 17 p. (In Russ.).
28. Tsareva I. K 130-letiiu osnovaniia Tambovskogo otdeleniia Imperatorskogo russkogo muzykal'nogo obshchestva [By the 130th anniversary of the Tambov Department of the Imperial Russian Society of Music]. *Russkoe Muzykal'noe Obshchestvo. 1859–1917. Istoriia otdeleniia [Russian Society of Music. 1859–1917. The history of regional departments]*. Avtor idei i redaktor-sostavitel' O.R. Glushkova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 275–298. (In Russ.).
29. Chaikovskii P.I. Polnoe sobranie sochinenii. Edited by V. Iakovleva [Complete set of works]. Moscow, Gosmuzizdat Publ., 1953, vol. 2. 437 p. (In Russ.).
30. Chaikovskii P.I. Zhizn' i tvorchestvo rusckogo kompozitora [Tchaikovsky P.I. The life and creation of Russian composer]. (In Russ.). Available at: <http://www.tchaikov.ru/1890-489.html>